

ПОЛИНА
РЕЙ

Ты
НЕ УЙДЕШЬ

Полина Рей

Ты не уйдешь

<https://litres.ru/73994528>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Это пятый тест ДНК в чертовой независимой лаборатории, которые все время разные! - буквально рычит Сергей. - И снова он отрицательный! Я Артему не отец!

- Но у меня никого, кроме тебя, не было, Серёж Я не могла его родить от Святого Духа!

Случайный намёк бывшей девушки моего мужа привёл к тому, что он решил тайно сделать тест на ДНК. И наш сын оказался ему не сыном. Затем были ещё четыре теста - уже открыто.

Каждый из них показывал то же самое - Сергей Артёму не отец.

Но это просто невозможно Я родила от мужа и знаю это.

А потом оказалось, что возможно. И что дело в самом Сергее.

Как теперь вернуть почти разрушенное доверие?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Полина Рей

Ты не уйдешь

Глава 1

Я сидела на полу в детской, скрестив ноги, и катала по ковру красный грузовик. Артём ловил его у противоположной стены, заливисто смеялся, толкал обратно. Грузовик то и дело врезался в ножку стула, опрокидывался колёсами вверх, и тогда Артём бежал к нему сам, хватал, звонко смеясь, и снова ставил на ковёр. Я улыбалась, но если бы посмотрела на себя со стороны, поняла бы, что улыбка выходит очень натянутой. Каждый резкий звук заставлял плечи каменеть. Сердце пропускало удар, а потом неслось вскачь с такой скоростью, что я начинала задыхаться от головокружения. Я прислушивалась к тишине квартиры, к звуку лифта за стеной, к шагам на лестничной клетке, и снова выдыхала, когда они стихали.

Сергей уехал с самого утра. В клинику, где в очередной лаборатории должны были выдать результат пятого теста. Пятого! Первый он сделал тайно, без моего ведома, и этого я до сих пор не могла ему простить. Тот тест он заказал после случайного намёка своей бывшей, а дальше покатилося под откос всё - доверие, тепло, сама возможность смотреть друг на друга без этого липкого, тошнотворного страха в глазах.

Четыре теста в четырёх разных лабораториях показали одно и то же: Артём не его сын. Родственная связь какая-то прослеживалась - слишком уж настойчиво повторяли врачи про совпадения по мужской линии, - но отцовство исключалось полностью. Сергей зацепился за эту формулировку. Решил, что я могла нагулять ребёнка от кого-то из его родственников. Братьев у него не было, но двоюродные, троюродные имелись, и в его голове, видимо, выстроилась целая армия потенциальных любовников. От одной этой мысли меня мутило.

Я говорила правду: у меня никого, кроме него, не было - с того момента, как мы познакомились и до сего дня. Но четыре листка бумаги с сухими столбцами процентов и коэффициентов перевешивали всё. Все годы брака, все слова, всё, что между нами было. Ради Артёма мы старались играть в семью. Сергей его любил - я видела это. Как он носил его на плечах, как учил складывать пирамидку, как читал на ночь сказки, смешно коверкая голоса персонажей. Артём тянулся к нему, звонко кричал «папа!», стоило входной двери открыться. И я цеплялась за это, за эту иллюзию нормальности, как утопающий за соломинку. Мы не ругались при сыне - всё так же ужинали вместе, обсуждали бытовые мелочи. Только вот ночами лежали на разных сторонах кровати, не касаясь друг друга, и тишина звенела в ушах громче любой ссоры. Я уже давно начала понимать простую вещь - так дальше продолжаться попросту не может. Замок входной двери прозвуч-

чал сухо, как щелчок взводимого курка. Я вздрогнула, пальцы сжали грузовик. Артём тут же поднял голову, прислушался, и его лицо озарилось радостной улыбкой.

- Папа! - закричал он, поднимаясь на ноги. Я не успела встать с пола, когда услышала знакомые шаги. Они пересекли коридор, и дверь в детскую распахнулась. Сергей вошёл прямо в уличной обуви, чего никогда не позволял себе раньше. Серая пыльца с подошв отпечаталась на светлом ламинате. Я подняла взгляд. Лицо у него было бледное, скулы заострились, а глаза потемнели так, словно он не спал неделю. В руке Мезенцев сжимал сложенный пополам белый конверт. И, в целом, говорить ему было особо ничего не нужно - я всё понимала и так. Он опустился в кресло у окна, в котором обычно сидел по вечерам, читая Артёму сказки, и, не глядя на сына, швырнул конверт на пол передо мной. Бумага скользнула по ламинату, остановилась у моего колена.

- Это пятый тест ДНК в чертовой независимой лаборатории, которые всё время разные! - голос его сорвался на рык.

- И снова он отрицательный! Я Артёму не отец!

Наш сын замер посреди комнаты. Улыбка сползла с его лица, он переводил взгляд с отца на меня, хмурил тёмные бровки, пытаюсь осознать, почему папа кричит. Но слова, наверное, не особо понимал - ему было всего два. По крайней мере, я на это искренне надеялась. Я всё же медленно поднялась с пола, проигнорировав конверт. Несмотря на то, что у меня внутри разверзлась пустота, сказать слова удалось от-

носителем ровным тоном:

- У меня никого, кроме тебя, не было, Серёж. С самого нашего знакомства, - произнесла то, что он уже не раз слышал.

- Я не могла его родить от Святого Духа! Сергей усмехнулся так зло, что эту усмешку можно было в фильмах про злодеев использовать. Его губы искривились, и я теперь с трудом узнавала собственного мужа.

- От Святого Духа, значит. - повторил он. - Удобная версия. Святая Вероника, непорочное зачатие. - Он покачал головой и продолжил совсем на иную тему, причём совершенно неожиданную:

- Я принял решение - поживу пока отдельно. Вы останетесь здесь, в этой квартире. А я отправляюсь перекантоваться к Роману. Он так и сказал - перекантоваться. После чего поднялся из кресла - резко, словно находиться здесь дольше было для него невыносимо, - и, перешагнув через рассыпанные по полу игрушки, вышел в коридор. Я услышала, как открылась дверь в спальню, как заскрипели дверцы шкафа. Я машинально направилась следом за ним - оказалась в коридоре, где на стенах висели общие фотографии. Вот наша свадьба, вот мы в роддоме, счастливые, с конвертом с голубой лентой. Я остановилась в дверях спальни, прислонилась плечом к косяку. Сергей доставал с полки вещи и бросал их в спортивную сумку, не глядя, комкая рубашки и джинсы. Я молчала, но не потому, что нечего было сказать - слов внутри скопилось столько, что они душили, вставали в горле, ца-

рапая его. Просто я устала. За эти месяцы так сильно, что не осталось сил даже плакать. Просто смотрела на то, как он застёгивает молнию на сумке, перекидывает ремень через плечо, как обходит меня в дверях, стараясь не коснуться даже краем одежды. Хлопнула входная дверь. В детской, словно понимая всё, заплакал Артём. На какое-то время я осталась на месте, глядя на полупустую полку шкафа, где всё ещё лежали его рубашки. В висках стучало одно: «Я знаю, что это его сын. Я знаю! Но как это доказать, если не верит даже наука?» Плач в детской стал громче, и я заставила себя оттолкнуться от косяка и пойти к сыну. Мы остались одни друг у друга. Как же это принять и осознать?

Глава 2

Сергей выехал с парковки у дома и первые минут десять просто крутил руль, не разбирая дороги.

В ушах ещё стоял плач Артёма, доносившийся из-за закрытой двери в детскую в тот момент, когда он уходил. Мезенцев сжал челюсти, прибавил громкость динамиков, но тут же выключил их - любой звук сейчас раздражал до зубовного скрежета.

Пробки не было, и это почему-то злило ещё больше. Хотелось, чтобы дорога заняла вечность, чтобы не пришлось ни с кем говорить, никому объяснять, куда он приехал и почему прихватил с собой сумку. Роман, конечно, не станет лезть с расспросами - они дружили столько лет, что понимали друг друга с полувзгляда. Но всё равно придётся что-то сказать.

Он остановился на светофоре и взял телефон. Палец скользнул по экрану, нашёл контакт «Роксана». Сам не понял, зачем звонить ей, но всё же набрал знакомый номер. Может, потому что она была единственной, кто знал всё с самого начала - ещё с того первого, тайного теста, который она же ему и подсказала сделать. А может, просто потому что Веронике он сейчас звонить не мог, а молчать и вариться в собственных мыслях не было сил.

Гудки прошли, на четвёртом Рокс сняла трубку.

- Серёж? - голос у Роксаны был ровный, с той осторожной

ноткой, с какой говорят люди, ожидающие плохих новостей.

- Готово, - сказал он, и слово всё сказало за себя. - Пятый тест тоже отрицательный.

В трубке повисла пауза. Он услышал, как Роксана выдохнула - длинно, но с каким-то облегчением, что ли.

- Пятый... И тоже отрицательный, - повторила она. - Господи, Серёж... И ты сейчас где? Дома?

- Еду к Роману. Сказал ей, что пока поживу отдельно.

- Правильно, - чуть ли не выкрикнула Роксана, и в голосе мелькнуло что-то похожее на удовлетворение. - Слушай, давай встретимся? Посидим, выговоришься. Тебе нельзя сейчас одному. Я в центре, давай в «Мокко» через полчаса.

Она говорила так, словно всё уже было решено. И Сергей, подумав секунду, понял, что ехать к Роману ему сейчас не особо-то и хочется - тот наверняка ещё на работе. А сидеть в пустой квартире особенно вооружившись теми знаниями, которые подарили ему результаты сраных тестов, было тоскливо.

- Давай, - согласился он. - Буду через двадцать минут.

«Мокко» в этот час оказался полупустым - будний день, посетителей немного. Сергей заказал чёрный кофе, сел за угловой столик у окна и уставился на улицу, невидящим взглядом скользя по прохожим. Сумка стояла на соседнем стуле, напоминая о том, что обратного пути сегодня нет.

Роксана появилась минут через десять, как и обещала. Высокая, в модной одежде, как будто с подиума, с идеаль-

но уложенными светлыми волосами - она всегда выглядела безупречно, независимо от обстоятельств. Когда-то давно, ещё до Вероники, эта её черта его восхищала. Сейчас Сергей просто отметил этот факт краем сознания, не более.

Рокс села напротив, положила сумочку на колени, поймала взгляд официанта и кивнула - ей, видимо, принесут то же, что всегда. Потом перевела глаза на Сергея и мягко коснулась его запястья.

- Рассказывай. Всё с самого начала! Как поехал утром, ну и всё остальное.

Сергей хмыкнул, пододвинул к себе чашку, сделал глоток. Кофе был горьким и обжигал губы, но сей факт он почти не заметил.

- Да что рассказывать... - Мезенцев пожал плечами, будто бы говоря, что ничего нового не выдаст. - Приехал в лабораторию, как и просили. Мне лично выдали конверт. Вскрыл прямо там, но уже будто знал, что увижу...

- И там всё то же? - Роксана даже чуть подалась вперёд.

- Ага, - он криво усмехнулся. - Отцом Артёму я быть ну никак не могу. Может быть мой папа, ну или брат, которого у меня нет. Но не я.

Он развёл руками и взгляделся в лицо Рокс, словно бывшая могла дать ответ на главный вопрос: ну и как это, мать его, вышло? Но она лишь откинулась на спинку стула и промолчала. Официант принёс ей латте, она машинально обхватила чашку ладонями.

- Знаешь, Серёж, - начала она после паузы, тщательно подбирая слова, - я ведь тебе ещё когда говорила, после второго теста: это не случайность. А сейчас повторю, но уже с новыми данными - пять разных лабораторий не могут ошибаться одинаково. Это уже не статистика, а факт. Она тебя обманывает.

Какое-то время Мезенцев помолчал, затем сказал глухо:

- Я знаю.

Вот и всё - окончательный приговор жене прозвучал из его уст.

- И что теперь? Она же в курсе того, что там в тесте? Ну да, в курсе, раз ты собрался и ушёл.

Сергей поднял на неё взгляд. В голове снова всплыла Вероника - как она стояла посреди детской, прямая, бледная, и повторяла одно и то же: «У меня никого, кроме тебя, не было с самого нашего знакомства».

- Конечно, в курсе... - проговорил Мезенцев, хотя вроде как Роксана и сама уже всё знала: - Но Вероника опять твердит своё. Что никого не было и это Святой дух, не иначе.

Роксана вдруг запрокинула голову и расхохоталась, хотя вроде как никаких оснований для этого не было. А когда отсмеялась, покачала головой:

- Святой дух, как мило! А то, что у ребёнка твоя генетика по мужской линии - это Святой дух тоже устроил? Серёж, очнись. Если не ты отец - значит, кто-то из твоей семьи. Кто-то, с кем у тебя общая кровь! А она это скрывает. И будет

скрывать до последнего, потому что правда ей невыгодна!

Он молчал. Рокс наклонилась чуть ближе, понизила голос:

- Ты понимаешь, что это не просто измена? Это самое настоящее кощунство! Так поступить с женщиной, который её любил, который ей верил, который этого ребёнка с рук не спускал... Ты его два года растил, Серёж. Два! А она смотрела тебе в глаза и врала.

Сергей стиснул челюсти. Каждое слово било в цель, и Роксана это знала. Она всегда умела формулировать именно то, что он боялся додумать до конца.

- И что ты предлагаешь? - спросил Мезенцев тихо.

Какое-то время Роксана сидела молча, словно обдумывая, что ответить, затем всё же проговорила:

- Я? - Она пожала плечами и отпила кофе. - Я тебе не советчик, Серёж. Но если бы меня так предали, я бы не оставила камня на камне. Развод, и пусть катится к отцу своего ребёнка! Ты имеешь право требовать компенсацию за эти годы - моральную, материальную. Зачем тебе содержать чужого сына?

- Он не чужой, - вырвалось у него резче, чем он хотел. - Он... мой. Может, не сто процентов по крови, но я его растил. Я его люблю, Рокси.

Она чуть заметно поморщилась - то ли от старого прозвища, то ли от его слов.

- И Веронику тоже любишь? - уточнила будто бы с насмешкой.

Сергей отвёл глаза и долго смотрел куда угодно, но только не на Роксану. Чувствовал всем нутром её испытующий взор и знал - стоит только перевести взгляд на бывшую, как его уверенность в том, что собирался ей ответить, станет уже не такой абсолютной.

И дело было вовсе не в чувствах к Рокс - их не имелось в том формате, в котором они присутствовали ранее. Просто её насмешливость сбивала с толку.

- Люблю, - сказал он наконец. - И в этом вся проблема. Если бы не любил, я бы ушёл сразу после первого теста. А я... просто не знаю, как от них отказаться. Как взять и вычеркнуть несколько лет жизни. Она родила этого мальчика при мне, я был рядом всё время, с самого начала, как только приехали в роддом. Я первым взял его на руки... Как мне теперь развернуться и уйти, будто ничего не было?

Его самого царапнуло то, что он сказал - «этого мальчика». Но Сергей уже знал, что так или иначе придётся от ребёнка и жены отказаться. Жить рядом и знать, что она спала с кем-то из его родственников... такого и врагу не пожелаешь.

Роксана молчала. На её лице застыло выражение, похожее на сочувствие, но в глубине глаз читалось что-то другое - то, чего он и опасался. Глаза Рокс словно бы говорили - ну и лох ты, Мезенцев! Надо же, что выдумал... на руки он первым ребёнка взял, ну-ну...

- Ты сказал, что тебе нужна пауза, - произнесла она по

прошествии времени. - Это разумно. Поживи отдельно, подумай. Не руби с плеча. Но, Серёж... Пауза - это не решение. Тебе рано или поздно придётся выбрать. И я очень надеюсь, что ты выберешь себя. Своё достоинство. Ты достоин честности, а не вот этого вот всего.

Она неопределённо помахала в воздухе рукой, дескать - ну вот же, всё ясно и понятно. Ситуация очевидна и спорить тут не с чем.

Сергей кивнул - скорее чтобы закончить разговор, чем из согласия. Он допил остывший кофе, поставил чашку на стол, взял свой телефон.

- Спасибо, что выслушала. Я, наверное, поеду, - произнёс тихо.

- К Роману? - тут же встревожилась Рокс.

- Да, - кивнул он.

Роксана потянулась к сумочке, но он опередил - бросил на стол пару купюр, поднялся, перекинул сумку через плечо.

- Если что - звони, - сказала она ему вслед. - В любое время.

Он кивнул и ушёл, не оборачиваясь.

Уже в машине, прежде чем завести двигатель, Сергей долго сидел, глядя перед собой в одну точку. И снова на память пришла жена - то, с какой усталостью она смотрела на его сборы. Как будто бы сама уже была согласна с тем приговором, что он вынес их семье. Совершенно заслуженно вынес, надо сказать.

Всё! К чёрту! Надо просто добраться до Румы и опрокинуть в себя порцию-другую чего покрепче. И может тогда хоть немного, но полегчает...

Ехать было недалеко, но он не торопился. Нужно было переварить сказанное Роксаной. Правильные слова, логичные, разумные и оттого ещё более невыносимые.

Вот только на периферии сознания так и продолжал биться вопрос: как отказаться от своей семьи? Он ведь без них не сможет, какой бы вероломной ни была Вероника...

Дверь открылась почти сразу после звонка - Роман, которому Мезенцев позвонил по пути, уже ждал дома.

Он окинул взглядом Сергея, задержался на сумке, но ничего не сказал. Просто посторонился, пропуская в прихожую.

- Разувайся, - бросил Климов через плечо. - Я как раз собирался перекусить. Ты вовремя.

Квартира у Романа была холостяцкая - минимум мебели, всё по делу, никаких лишних деталей. Сергей сгрузил сумку в углу коридора и прошёл на кухню. Там на столе уже стояла початая бутылка виски, два стакана и нарезанная закуска на блюде.

- Садись, - Роман кивнул на стул и сам опустился напротив.

Разлил по стаканам, не спрашивая, щедро, после чего велел коротко:

- Рассказывай.

Сергей взял стакан, покрутил в пальцах, глядя, как свет мерцает на гранях стекла.

- Пятый тест, - сказал он глухо. - Опять отрицательный. Я собрал вещи и ушёл.

Вот и всё, что он смог из себя выдавить. Всё сухо и по делу, как полагается.

Роман медленно отпил из своего стакана, прищурился.

- Пятый, значит. И все в разных лабораториях?

- В разных. Я специально каждый раз новую искал. Чтобы уж наверняка.

- А результат один и тот же, - задумчиво протянул Роман.

- Что именно в заключении?

Сергей хмыкнул, отпил виски. Климов был в курсе его пердимоноклей с этими сраными ДНК, но в суть особо не лез.

- Родство по мужской линии есть. А вот отцовство исключено. Будто Артём - сын моего отца или моего брата. Которого у меня нет, - он горько усмехнулся. - Представляешь? Двоюродные в других городах... И я даже предполагать не хочу, что Вероника с ними связалась и ездила к ним... ну, ты понимаешь.

Роман помолчал, покрутил стакан в ладони. Потом заговорил приглушённо:

- Слушай, Серёг. Я, конечно, не генетик и не эксперт, но я тебя знаю сто лет. И Веронику твою знаю. И просто не верю, что она могла такое сотворить.

Сергей вскинул голову, хотел возразить, но Роман остановил его жестом.

- Подожди, дай скажу. Ты сейчас на взводе, тебе факты в лицо бросают, а ты из них уже собрал цельную картину. Но я со стороны смотрю - и у меня, знаешь ли, появляются вопросы. Пять тестов, и везде одно и то же: родство есть, а отцовства нет. Это же не просто «отрицательный». Это какая-то аномалия. Ты сам об этом не думал?

Он смотрел на него так ясно и трезво, что у Мезенцева закопошился червячок сомнения в груди.

- В смысле - аномалия? - нахмурился он, не понимая, о чём речь.

Глава 3

- В прямом. Может, с тобой что-то не так. Имею в виду, медицински, ну или генетически... Мне кажется, это такая сфера, где всякое бывает. Ты проверялся полноценно? Сдавал анализы? Или только ребёнка таскал по лабораториям?

Сергей замер, потому что он не особо понимал, что значит «провериться полноценно»? Всякие там анализы сдавал, ну на гемоглобин и прочее. И вроде был здоров. Или что вообще подразумевалось под «что-то не так».

- Генетически я ничего не изучал кроме своего отцовства, которое ни разу не проявилось, - признался он после паузы.

- Ну вот и не руби с плеча, а обратись к генетикам, прежде чем семью рушить.

Роман снова отпил виски, давая другу время переварить услышанное. Потом заговорил приглушённо, словно не понимал: стоит ли озвучивать нечто, что вертелось на языке, или же нет.

- Ты про Роксану мне ещё в прошлый раз говорил, - всё же сказал Роман, и голос его стал чуть жёстче. - Что это она тебе идею с тестом подкинула. А потом ты с ней стал советоваться. Вот я и хочу спросить: а чего она так старается?

И снова Сергей не особо понял, какой именно смысл вкладывает в свои слова Рома.

- В смысле? - нахмурился он.

Повторял этот вопрос как чёртов китайский болванчик. А Климов отвечал ровно так же, как и до этого:

- В прямом, - пожал плечами друг. - Чего твоя бывшая так настойчиво вбивает тебе в голову сомнения в отцовстве? Ей-то какая выгода? Вы с ней сколько не вместе? Несколько лет? А она тут как тут, прямо ангел-хранитель твоих чести и достоинства.

Он немного помолчал, а потом спросил, приподняв бровь:
- Слушай, а она не хочет обратно? Ну, стать из бывшей снова настоящей?

Сергей нахмурился ещё сильнее. Он не думал об этом - вообще ни разу. Вся его голова была занята тестами, процентами, генетическими совпадениями, обидой на Веронику - а вот мотивы Роксаны он даже не рассматривал. Она помогала, поддерживала и была рядом, когда всё рушилось. И он просто принимал это как данность, не задавая лишних вопросов. Так поступают все друзья, он ведь прав?

Хотя, стоило спросить себя: зачем ей это? Зачем ей тратить своё время, свои нервы на чужую семью, на чужого ребёнка, на чужие ДНК-тесты? Из чистого сочувствия? Сергей слишком хорошо знал Роксану, чтобы поверить в такое.

- Я не думал, - повторил он тихо. - Просто не приходило в голову.

- Ну так пусть придёт, - пожал плечами Роман. - Я не говорю, что Вероника святая. Но ты её муж, Серёг. Ты с ней прожил несколько лет, и она тебе сына родила. Вот что хо-

чешь говори, но я уверен, что ребёнок твой!

Рома говорил с таким запалом, словно Вероника его наняла адвокатствовать перед всем белым светом.

- Неужели за всё это время ты не понял, что она за человек? - продолжил Климов. - Неужели она похожа на ту, что способна переспать с твоим родственником и два с лишним года после этого врать тебе в глаза?

Сергей молчал, а в памяти всё возникали и возникали обрывки того, из чего и состояла вся его жизнь. То, как Артём звал его папой. Как Вероника обнимала его, нежно прижималась и растворялась в нём целиком... Это приносило лишь отголоски слабой боли и только. Хотя нет... Ещё и уверенность в том, что он испытывает потребность в своей семье.

- Я не знаю, - выдохнул он наконец. - Честно. Я уже ничего не знаю.

Роман вздохнул, долил янтарного напитка в оба стакана.

- Вот с этого и начни. С «не знаю». А не с того, что уже решил, будто всё кончено. Разберись по-настоящему - без Роксаны и её советов. Проверь себя, сходи к врачу. А потом уже решай, рушить семью или нет.

Сергей поднял стакан, сделал большой глоток. Пойло уже не обжигало - просто лилось внутрь тяжёлым теплом, не принося облегчения.

- А если всё-таки она?... - начал Мезенцев и осёкся.

Даже думать не хотел о том, что будет, стоит только выяснить, что Вероника и впрямь могла переспать с кем-то из

его родных.

- Если она, - Роман пожал плечами, - тогда будешь решать. Но хотя бы будешь знать наверняка. А сейчас ты ничего не знаешь. Только бумажки из лабораторий, которые, может быть, вообще говорят не о том, о чём ты думаешь.

Теперь у Мезенцева была ещё и иная картина, иной взгляд. Не тот, Роксанин, который казался гвоздем в крышку его семейной жизни, а нечто, на что он смотрел под другим углом.

- Может, ты и прав, - сказал он наконец.

- Я всегда прав, - хмыкнул Роман шутливо, но тут же посерьёзnel. - А если серьёзно - не треплись направо и налево, что будешь проходить более глубокое исследование, а просто займись делом.

Сергей кивнул - без желания закончить разговор, а с чем-то похожим на первую, ещё робкую надежду. Где-то глубоко внутри, под слоями обиды и усталости, шевельнулось то, что он уже почти похоронил: желание разобраться по-настоящему. Не просто принять удобную версию, а докопаться до правды.

Какой бы она ни была.

Глава 4

Виктория Тимофеевна, моя свекровь, приехала без предупреждения.

Позвонила в дверь, и когда я открыла, шагнула через порог и посмотрела на меня с тем выражением, которое было весьма ожидаемым.

- Здравствуй, доченька, - сказала она мягко, но с какими-то нотками горечи. - Серёжа позвонил. Я знаю про пятый тест.

Я молча кивнула, отступила, пропуская её в прихожую. Сил на слова не оставалось. После ухода Сергея прошло два дня - я старалась занимать их делами, связанными с сыном, но всё равно бесконечно прокручивала в голове одни и те же мысли.

Виктория Тимофеевна разулась, сняла жакет и сразу прошла в гостиную. Артём, увидев бабушку, радостно завопил, бросил машинки и понёсся к ней. Она присела, обняла его, зарылась лицом в тёмные вихры, а когда подняла глаза на меня, в них стояли слёзы.

- Я не верю, - проговорила она тихо. - Слышишь, Вероника? Я не верю ни одному слову Серёжи, ни одной бумажке! Ты не могла так с ним поступить, я знаю!

Я уже слышала это от неё не раз, но сейчас, когда мне вынесли очередной «юбилейный» приговор, осознание, что

Виктория Тимофеевна продолжает оставаться на моей стороне, было особенно важным и трогательным.

Я устроилась на диване и пожала плечами - слова были излишни. О том, что я не могу достучаться до её сына, свекровь знала и так.

Виктория Тимофеевна присела рядом, Артём тут же забрался к ней на колени, совершенно довольный происходящим.

- Он запутался, - сказала свекровь. - Мой сын всегда был упрямым, но тут другое. Мне кажется, ему кто-то подсказывает не то, что нужно...

- Роксана, - откликнулась я эхом.

- Вот именно. Ещё когда они встречались до тебя, я говорила Серёже: смотри, она себе на уме. Он не слушал. А теперь эта женщина снова тут, совпадение, да?

Она посмотрела на меня с таким выражением, которое говорило лучше всяких слов: в словах Виктории Тимофеевны кроется сарказм.

Обсуждать Роксану не было сил, и свекровь будто прочитала мои мысли - замолчала, только поглаживала Артёма по спине, глядя в одну точку перед собой.

В этот момент раздался звук открываемой входной двери, и я вздрогнула. Уже знала, что это Сергей - просто было больше некому. Но к этой встрече морально я готова не была. И не знала, чего ждать от мужа - нового скандала? Того, что он скажет, что готов растить нагулянного сына?

Он зашёл в квартиру, но наверняка не ожидал увидеть мать. Замер на пороге гостиной, перевёл взгляд с меня на Викторию Тимофеевну, потом обратно. С собой сумку не принёс - значит, ненадолго.

- Мама, - проговорил он с нотками вопроса в голосе. - Не знал, что ты здесь.

Виктория Тимофеевна ссадила Артёма с колен, поставила на пол, легонько подтолкнула к игрушкам, после чего поднялась.

- А ты, значит, решил зайти проведать семью? - голос её зазвенел от недовольства. - Или очередной тест планируешь сделать, шестой по счёту?

Мезенцеву явно не понравилось то, как говорит с ним мать, но он лишь ответил:

- Я пришёл поговорить.

Свекровь тут же подбоченилась и бросила на меня короткий взгляд.

- Поговорить! - вновь обратила она свой взор на сына. - Ты сначала ушёл из дому, а потом явился поговорить! Ты что с Вероникой творишь? А? Я тебя спрашиваю! Она тебе родила, она тебя любит, а ты её в грязь втоптываешь своими тестами!

Сергей сцепил челюсти, да так, что желваки на скулах заходили. На меня он не смотрел, будто бы я не присутствовала при данном разговоре.

- Мама, ты явно в курсе, - процедил Мезенцев упрямо. -

Все пять тестов говорят о том, что отцовства никакого нет, понимаешь?!

Он чуть ли не выкрикнул последние слова, и Артём встревоженно обернулся, отвлекаясь от своих кубиков.

- Я понимаю только то, что мой сын сошёл с ума и мучает собственную семью! - ответила Виктория Тимофеевна - тоже упрямо.

И вдруг прозвучало то, что окончательно перевернуло весь мой мир с ног на голову. Хотя мне и казалось до сего момента, что это случилось в тот момент, когда я узнала о первом тайном тесте.

- А что ты будешь делать, если окажется, что Вероника переспала с моим отцом?! - выкрикнул Сергей.

Это был удар ниже пояса... Я не знала, рассчитывает ли Сергей на то, что наш сын ещё маленький и ничего не понимает, или ему уже стало плевать на ребёнка и его чувства, но поведение Мезенцева говорило само за себя. Он пошёл ва-банк. Начал высказывать в грубой форме то, что рвало его на части.

Виктория Тимофеевна застыла, и в чертах её лица проступила какая-то странная боль, которой до сего момента я не видела у свекрови.

- Ты серьёзно? - спросила она сдавленным шёпотом. - Ты сейчас серьёзно, Серёжа?

Мезенцев опустил голову и посмотрел на мать исподлобья. Меня он всё так же подчёркнуто игнорировал.

- Ты сама говорила, - он не отступал, хоть и осёкся под её взглядом. - Рассказывала, что у вас с отцом года три как всё неладно. Я помню! Может, причина как раз в этом?

В глазах свекрови запылало что-то вроде «ну и дурака я на свет произвела». И когда она ответила, в голосе звучало абсолютное разочарование. То ли в муже, то ли в сыне, то ли в жизни в целом.

- Твой отец просил меня не рассказывать тебе. Но я скажу... Раз на кону стоит так много...

Она взяла паузу. Я видела, как трудно ей даются слова - как будто каждое приходилось вытаскивать из себя через силу.

- Да, у Петра Семёновича была другая женщина как раз три года назад. Но это не Вероника! Это моя, уже теперь бывшая, лучшая подруга. Алиса Вяткина, ты её знаешь... Именно с ней у Пети и был роман.

Сергей замер. Я - тоже. По правде говоря, для меня союз родителей Мезенцева был чем-то вроде примера, так что слышать об измене свёкра было столь же удивительно-неприятно, как о том, что Сергей подозревал, будто я могла переспать с его папой...

- Что? - переспросил муж тупо. - Он и впрямь тебе изменил?

Глава 5

Я уже ничего не понимала... Если Мезенцев действительно считал, что я могу лечь в постель с Петром Семёновичем, что само по себе было просто кощунством, почему он сейчас так ошарашен фактом неверности своего отца?

- Да, - Виктория Тимофеевна посмотрела на него с такой невыносимой горечью во взоре, что она стала очень точным отражением того, что чувствовала и я сама. - Твой отец связался с ней за моей спиной. Я узнала об этом и мы почти развелись тогда. Но он умолял не говорить тебе, и я согласилась. Думала, справимся сами. А теперь... Теперь ты обвиняешь свою жену в том, в чём виноват только твой отец и больше никто. Потому что Вероника перед тобой чиста - я в этом уверена!

Было ясно, что Мезенцеву попросту нечего сказать. Все выстроенные догадки сейчас рухнули, и вновь нужно было искать причины тому, почему я виновата во всех придуманных им грехах.

Я должна была почувствовать облегчение, но вместо него внутри поднялась такая волна гнева и усталости, что я сама не ожидала от себя того, что сделала дальше.

Я произнесла совершенно чётко и так, чтобы ни у кого не возникло желания с этим спорить:

- Всё!

Мой голос дрогнул, но я добавила увереннее:

- Хватит!

Они оба повернулись ко мне, как по команде. Сергей смотрел растеряннo, и я ещё больше убедила себя в том, что эта самая растерянность связана с простым фактом - ему нужны были причины меня винить. И пока их не находилось, ну, кроме того самого теста.

- Я больше не могу, Серёж, - продолжила я. - Ты понимаешь? Я устала. Ты приходишь сюда с обвинениями, ты таскаешь нашего сына по лабораториям, ты обсуждаешь меня со своей бывшей, а потом выстраиваешь теории одна безумнее другой! А теперь выясняется, что твой отец спал с другой и тебе не нравится, что это - не я! Я же вижу, как тебе жизненно необходимо повесить на меня всех собак!

Я перевела дыхание, потому что кислород в лёгких кончился. Но я всё же схватила ртом новую порцию и продолжила:

- Ты ни разу не подумал обо мне! Ни разу, Серёжа! Поверил бумажкам, Роксане, поверил кому угодно, но только не своей собственной жене. И я больше так не могу!

- Вероника... - начал он, но я уже не слушала.

- Уходи! - процедила так, чтобы по голосу было ясно: это не шутка. Я действительно выставляю Мезенцева из собственного дома.

Он не шевельнулся, и я шагнула к нему, чувствуя, как внутри закипает то, что копилось довольно долгое время -

вся обида, вся горечь, всё разочарование.

В том, что он так просто и легко меня отправил на эшафот, будто только и ждал с самого момента, как мы поженились, чтобы у наших отношений был именно такой исход.

- Уходи, Сергей! Прямо сейчас. Я больше не хочу тебя видеть. Не хочу твоих тестов, твоих подозрений, твоей Роксаны. Не хочу оправдываться перед тобой до конца жизни за то, чего не делала!

Мне хотелось подлететь к нему, схватить за одежду, вытолкнуть прочь. Но я знала, что это сильно испугает сына, и только данный факт меня хоть как-то останавливал.

- Подожди, дай мне сказать, - муж попытался перехватить инициативу. - Я как раз пришёл, чтобы сказать - я хочу пройти обследование. Мне Роман подсказал, что нужно покопаться во всём этом с новой стороны. Генетически...

Он едва договорил, когда я почти закричала:

- Мне всё равно, что тебе подсказал Роман!

Артём всё же встревожился, и теперь смотрел на нас удивлённо-напуганно. Наверняка у сына ото всей этой дурацкой и унижительной ситуации появится детская травма. Но и в этом винить я могла только одного человека. И этот человек - не я.

- Ты должен был думать сам. Но в первую очередь - ты обязан был верить мне. А ты не верил. И теперь, даже если ты пройдёшь все обследования мира и выяснишь, что дело в тебе... что дальше? Ты снова будешь меня в чём-то подозре-

вать при первой возможности? Снова побежишь к Роксане за советом?

Он молчал, потому что сказать ему было нечего. Потому я продолжила, решившись на то, что в любой другой ситуации никогда бы не пришло мне в голову:

- Я требую развода! - сказала уверенно. И добавила без сомнений: - С меня хватит.

Виктория Тимофеевна ахнула, прижала ладонь к губам. Сергей стоял, не в силах произнести ни слова, и смотрел на меня так, будто видел впервые.

- Вероника, девочка моя, - попыталась вмешаться свекровь, - может, не надо сгоряча...

- Я не сгоряча, Виктория Тимофеевна, - ответила, не отводя взгляда от мужа. - Я устала очень сильно. И больше не хочу быть женщиной, которая вечно оправдывается. Я хочу быть матерью своему сыну. И ничего иного!

Я указала ему на дверь, будто бы нужно было дать понять, куда ему отправляться. И повторила чётко и отдельно:

- Уходи!

Глава 6

Сергей стоял и упрямо смотрел на меня. В его глазах плескалось нечто сложносочинённое - смесь растерянности, задетого самолюбия и того, чему я пока не могла подобрать названия. Он будто ждал, что я сейчас отступлю назад, скажу: «Прости, погорячилась, давай поговорим». Но я молчала и не отводила взгляда. И дверь, на которую я указала, всё ещё была тем местом, к которому должен был направиться муж и просто выйти.

Секунды превращались в минуты, тишина между всеми нами стала осязаемой. Потом Мезенцев шумно выдохнул, резко развернулся и вышел в коридор. И вновь за Сергеем захлопнулась дверь, но теперь этот факт уже не воспринимался мною настолько остро.

Моя рука безжизненно опустилась, и Виктория Тимофеевна подошла ко мне, взяла за плечи, усадила на диван. Артём тут же подбежал, забрался на колени, прижался ко мне - он будто бы знал, что его маме плохо, хотя причин и не понимал.

Виктория Тимофеевна стала плакать по щекам её беззвучно текли слёзы, которые она даже не отирала.

- Ты правильно сделала, - сказала она тихо после внушительной паузы. - Я хоть и мать этого болвана, но говорю тебе - ты правильно сделала!

Она повторила свою фразу дважды, и я посмотрела на неё не без удивления.

- Правда? - спросила хрипло. - Потому что я сейчас и сама ничего не знаю. Может, надо было выслушать. Может, он действительно...

- Нет, - перебила она твёрдо. - Ты и так слушала его слишком долго. Ты терпела то, что другая женщина не стала бы терпеть и недели. Я своего сына люблю, Вероника, но я вижу, во что он превратился за эти месяцы. И вижу, кто ему в этом помогает. Ты не обязана класть себя на алтарь его подозрений. Это неправильно!

Я молча гладила Артёма по спине. Он уже успокоился и тихонько сопел, вцепившись пальцами в мой рукав.

- Мне кажется, я приняла решение, - произнесла, и слова дались тяжело, но прозвучали на удивление ровно. - Если муж настолько мне не доверяет, если он готов верить кому угодно, кроме меня... значит, нам не по пути. Дальше так нельзя. Я не хочу, чтобы Артём рос в доме, где отец смотрит на мать как на преступницу.

Виктория Тимофеевна закрыла глаза и медленно кивнула. Плечи её опустились, будто на них легла ещё одна невидимая тяжесть, но она ничего не возразила. Только присела рядом, накрыла мою ладонь своей и тихо сказала:

- Я тебя понимаю, дочка... Понимаю, о чём ты... И я против ничего не скажу. Ты имеешь право.

Итак, слово «развод» прозвучало хотя бы в моих мыслях

и невысказанных желаний. Теперь наступало время сказать о принятом решении мужу... Но, кажется, его это только обрадует.

Сергей вышел на улицу и остановился у подъезда, не зная, куда идти. Внутри всё кипело - не столько от слов Вероники, сколько от того, что мать сказала об отце.

Он её изменил! И нет, это случилось не с Вероникой...

Он сжимал и разжимал кулаки, стоя на ветру, и никак не мог уложить в голове эту новость. А собственные подозрения показались ему настолько идиотскими, что если бы не пять ДНК-тестов подряд, он бы точно сейчас упал в колени жене...

Телефон завибрировал в кармане, и Сергей с надеждой взглянул на экран. Однако это оказалась Роксана, и ему тут же захотелось сбросить. Однако, в противовес своему желанию, он ответил на звонок.

- Серёж, где ты сейчас? Что у тебя происходит? Может, я нужна?

Фразы сыпались, как из рога изобилия. Каждая из них несла в себе определённый посыл - я рядом, не отказывай мне в том, чтобы это продемонстрировать.

- Давай встретимся, - сказал он коротко, хотя, по правде говоря, не особо был настроен на то, чтобы видиться с бывшей. Но добавил поспешно, чтобы не передумать: - В «Мокко», я буду там через полчаса.

Она согласилась сразу, без вопросов, будто только и ждала этого звонка и предложения.

Что ж, тогда сам Бог велел увидеться...

Когда Сергей вошёл в кафе, Роксана уже сидела за тем же угловым столиком, что и в прошлый раз. Перед ней стоял нетронутый латте, а сама она нервно постукивала пальцами по столу. Заметив Мезенцева, она тут же убрала руку и улыбнулась. А едва он устроился напротив, велела:

- Рассказывай! Что случилось?

Конечно, Рокс понимала, что раз он назначил встречу сам - у него есть новости. Но на мгновение всё равно мелькнуло желание ни о чём с ней не говорить.

Сергей заказал кофе, дождался, пока официант отойдёт, и всё же решился - рассказал, что поехал домой поговорить с Вероникой, а там оказалась мать, ну и разговор пошёл не туда. Подробностей он раскрывать не стал - ни про отца, ни про Алису, ни про слова матери. Это было слишком личным и грязным, чтобы вытаскивать на свет божий даже перед Роксаной.

Однако о последнем факте умолчать не мог:

- Вероника меня выгнала. Совсем, - произнёс он тихо, но слова в любом случае прозвучали так, словно были громом среди ясного неба.

Роксана удивлённо моргнула, а брови её взлетели наверх. Потом она медленно откинулась на спинку стула, сложила руки на груди, и на губах её заиграла лёгкая, почти незамет-

ная усмешка.

- Вот ка-а-ак, - произнесла она протяжно. - Выгнала. И ты, Серёж, этому ещё и удивляешься? - спросила, как ему показалось, с вызовом.

Он нахмурился, не понимая, о чём речь, потому уточнил.

- В смысле?

- В прямом. Ты ушёл из дома, оставил её одну, а теперь она, видите ли, тебя выгоняет? Очень удобно. Знаешь, как это выглядит со стороны?

Она подалась вперёд и понизила голос, словно делилась страшным секретом. А Мезенцев напрягся и почувствовал себя идиотом. Рокс знала что-то, о чём он сам не догадывался?

- У неё есть другой! Точно есть, я тебе говорю... И ты сейчас сам, своими руками, освободил ему дорогу. Оставил жену, квартиру, сына... Да ты просто подарок им сделал!

Она всплеснула руками, а Сергей сжал челюсти. Слова Роксаны падали на и без того воспалённую рану, и вместо облегчения от того, что кто-то его понимает, он чувствовал только глухое раздражение. Да, именно так всё и обстояло - он самовольно отправил жену к тому, с кем она и заделала сына. Слова Романа о том, что всё может быть не так просто, всплыли в памяти, но исчезли почти тут же, растворившись в понимании: Роксана права. Он сделал этому левому мужику и Веронике просто настоящий бесценный подарок.

- Ты не понимаешь, - сказал он сдержанно. - Там всё слож-

нее.

Глава 7

Проговорил это и сам осознал, как по-идиотски всё звучит.

- Что тут сложного? - Показалось, что Рокс вот-вот закатит глаза. - Тебя выставили из собственного дома. Твоя жена, которая непонятно от кого родила, теперь диктует тебе условия. И ты это терпишь?

- Рокси...

- Нет, подожди! Я скажу!

Она снова перегнулась через стол, и в глазах её загорелся тот самый огонёк, который появлялся всегда, когда она чувствовала, что перетягивает его на свою сторону.

- Просто выстави их прочь. Слышишь? Квартира твоя. Жизнь твоя. И ты заслуживаешь жить её нормально, без этих бесконечных тестов, подозрений и бабских истерик. Начни всё заново. Ты достоин этого, Серёж.

Он молчал, а Роксана смотрела на него, ожидая реакции, и в её взгляде читалась такая уверенность в собственной правоте, что ему стало окончательно не по себе.

Начни всё заново. Она имела в виду - с ней? Или с кем-то ещё?

Ну да, конечно... именно с ней. Роман был в этом прав.

- Я думаю, мне нужно... - начал Сергей и осёкся.

Чуть не ляпнул про обследование. Про генетиков, про

полную проверку, про то, что, возможно, дело вообще в нём самом, а не в Веронике. Слова уже почти сорвались с языка, но он вовремя прикусил его.

- Что тебе нужно? - Роксана насторожилась, прищурилась, как кошка, заметившая движение в траве.

- Мне нужно время, - закончил он глухо. - Немного времени, чтобы разобраться прежде всего в самом себе.

Роксана помолчала, изучая его лицо. Потом медленно кивнула, отпила остывший латте и улыбнулась - на этот раз мягко, почти сочувственно. И Сергей знал - сочувственность может смениться чем-то иным за считанные мгновения.

- Время - это хорошо, - согласилась она. - Только не затягивай. Пока ты думаешь, она живёт в твоей квартире с твоим сыном и, возможно, с иногда приходящим любовником, который навещает Артёма. Не забывай об этом.

Она сказала «возможно», но её тон не оставлял никаких «возможно» и звучал как приговор.

Сергей допил кофе и поднялся. Расплатился, попрощался с ней и вышел. Роксана проводила его взглядом, и он чувствовал этот взгляд спиной, пока шёл к выходу.

Уже в машине Мезенцев долго сидел, вцепившись в руль, и смотрел в одну точку. Слова Романа крутились в голове: «Не треплись направо и налево, что будешь проходить глубокое исследование». И вовремя - потому что ещё секунда, и он бы выложил Роксане всё.

Она не хотела, чтобы он искал правду. Она хотела, чтобы

он уже смирился - виноватая найдена.

Ну и, по её задумке, уже пора было выставить Веронику и Артёма прочь.

Теперь это становилось очевидным.

На следующее утро Роман скинул Сергею контакт - имя, фамилию, номер телефона и короткое сообщение: «Анатолий Георгиевич, генетик. Я с ним созвонился, ждёт твоего звонка. Не тяни».

Сергей решил не откладывать этот разговор - смысла и дальше метаться в своих подозрениях и выматывающих предположениях он не видел никакого.

Трубку сняли почти сразу - Анатолий говорил по-деловому сухо, но именно в этом Мезенцев и нуждался. Сергей представился, сослался на Романа, попытался в двух словах объяснить суть. Врач слушал молча, не перебивал, а когда Мезенцев закончил, сказал:

- Приезжайте. Сегодня к четырём. Я пришлю вам адрес.

Вот всё - у него была та ниточка, которая, возможно, наконец, приведёт к правде, какой бы она ни была.

Клиника оказалась частной - небольшая, но явно не из тех, куда можно попасть просто с улицы. Охрана на входе, стеклянные двери, стойка регистратуры с девушкой, которая улыбнулась ему так, будто он пришёл на спа-процедуры, а не выяснять, почему его собственный организм отказывается признавать сына. Сергей назвался, и его проводили в ка-

бинет на третьем этаже.

Анатолий Георгиевич оказался мужчиной лет пятидесяти пяти, сухощавым, в очках с тонкой золотой оправой и с манерой говорить так, словно каждое слово он предварительно взвешивает на аптекарских весах. Пожал руку крепко, предложил сесть и сразу перешёл к делу:

- Рассказывайте. Всё и с самого начала.

Сергей устроился напротив, выдохнул и начал говорить. Повествование вышло долгим - он только сейчас впервые излагал всю цепочку целиком, без пропусков и прикрас. Первый тест, тайный, после намёка Роксаны. Шок от результата. Потом ещё четыре - уже открыто, в разных лабораториях. Родство по мужской линии есть, а отцовство исключено. Версия про родственников. Про отца, брата, двоюродных. Про то, как он сходил с ума от мысли, что жена могла переспать с кем-то из его семьи. Про то, что мать призналась в измене отца, но не с Вероникой, а с её бывшей подругой, и это только запутало всё ещё сильнее.

Анатолий Георгиевич слушал очень-очень внимательно, не отвлекаясь ни на что постороннее. Иногда делал пометки в блокноте, порою просто кивал, не отрывая от Сергея внимательного взгляда. Когда рассказ закончился, он снял очки, протёр стёкла и произнёс:

- Можно мне взглянуть на заключения?

Сергей выложил на стол все пять конвертов. Врач вернул очки на место, рассортировал их перед собой, пробежал гла-

зами каждый лист - медленно, методично, задерживаясь на цифрах и коэффициентах. Минуты шли. В кабинете тикали настенные часы, и этот звук постепенно начинал действовать Сергею на нервы.

Наконец Анатолий Георгиевич отложил последнее заключение и внимательно посмотрел на Сергея.

- Сергей Петрович, - сказал он. - Мне кажется, я знаю, почему в этих заключениях нет никакой ошибки.

Сердце Мезенцева упало куда-то вниз, рухнуло так, что показалось, будто оно было сделано из хрусталя. Ошибки нет - это значит, что Вероника ему реально наставила рога. Он ведь всё верно понял?

- То есть... - начал он, но врач его тут же прервал:

- Подождите, - Анатолий поднял ладонь. - Ошибки нет, но и выводы, которые вы сделали, скорее всего, тоже ошибочны. Пять разных лабораторий, пять независимых тестов, и все показывают одно и то же: у ребёнка есть ваша генетика по мужской линии, но вы ему не отец. Вы исключили возможность, что мать ребёнка могла вступить в связь с кем-то из ваших родственников?

Мезенцев лишь ненадолго задумался - конечно, ни черта он не исключал. Но сейчас, когда ему всё могли расписать чётко, можно было немного приукрасить:

- Да, - сказал Сергей. - Исключил.

Анатолий Георгиевич кивнул, будто именно этого и ждал.

- Тогда остаётся ещё один вариант. И он касается не вашей

жены и потенциального отца ребёнка, а вас. Я бы хотел, чтобы вы сдали расширенный анализ. Это не стандартный тест, а более глубокое исследование. Но прежде чем мы к нему перейдём, я должен вам кое-что объяснить.

Он сделал паузу, и Сергей напрягся, чувствуя, что сейчас услышит нечто такое, к чему не готов.

И Анатолий Георгиевич

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.